

исключает компонент разума из своей жизни полностью. Она настолько слабоумна, настолько «впала в детство», что, по словам самого Рогожина, даже «не понимает, что говорят». Из всех способностей, которые она приобрела в жизни, она не сохранила ни одной: она не говорит, не понимает и ничего не делает. Она даже не сохранила, как старушка приживалка, которая при ней находится, рефлекса вязания. Единственный «рефлекс», который у нее остался, это рефлекс крестного знамения, символизирующий ее веру.

Через эту миниатюру Достоевский показывает всю «физиологичность» веры, ее врожденность, ее природную свойственность человеческой натуре. Этим и объясняется живучесть этого рефлекса, который в отличие от всех разумных проявлений не исчезает, когда угасает человеческий разум. Достоевский также (со всеми свойственными ему сомнениями, впадением в уныние и неверием) доводит эту мысль о неискоренимости веры до гротеска, параллельно с портретом матери Рогожина выписывая на протяжении всего романа портрет генерала Иволгина — выжившего из ума старика пьяницы, маразматика, пропивающего остатки собственного достоинства, патологического лгуна, заходящего в своих безудержных фантазиях до самого невероятного бесстыдства и при всем при этом повторяющего рефреном две фразы: «благословляю» или «проклинаяю» («Проклятие дому сему!»). Эти две фразы генерала Иволгина при всей их дешевой театральности, наигранности и неуместности являются для него необходимостью: без этого он не может, без этого он не генерал Иволгин. Театральная, пафосная религиозность для него так же рефлекторна, как для старушки Рогожиной способность складывать три пальца для благословения. При этом, как и должно быть в хорошем гротеске, персонаж генерала Иволгина заставляет читателя сомневаться в своей гротескности, всегда оставляя «открытым» вопрос о том, так ли наигранна его религиозность, так ли фальшивы его благословения и проклятия.

Значимой деталью в портрете матери Рогожина является так же и то, что сам Парфён Рогожин сомневается в этой последней способности своей матери — способности верить: «Постой, старушка, вот так, дай я сложу тебе руку...» Он сомневается, что она может сложить три пальца для благословения. Это его сомнение отражает всю глубину происходящей в нем самой борьбы веры и разума или также типичной для героев Достоевского борьбы разума за веру, желания осмыслить веру, понять ее рассудком, прийти к вере через разум. Сомнения являются неотъемлемой и характерной частью такой борьбы, происходящей во взрослом человеке и отсутствующей у ребенка или старого человека, «впавшего в детство».

По сути, внутри этой миниатюры Достоевский через персонаж Рогожина дает еще один вариант взаимоотношений веры и разума, когда разум выступает в качестве инструмента исследования по отношению к вере — инструмента, выбранного неправильно, неподходящего и неспособного дать никаких результатов, но единственно доступного и потому используемого. Особенностью таких отношений является постоянное состояние сомнений и неверия. Именно поэтому, а вовсе не так неожиданно, как может показаться для такого грубого и неотесанного персонажа, Рогожин обращается к князю Мышкину с вопросом: «Веруешь ты в бога иль нет?»

Третий вариант решения вопроса об отношениях веры и разума Достоевский дает через персонаж генеральши Епанчиной. Вопрос этот снова «решается» через исключение разума, но в данном случае это исключение частичное: разум здесь как бы уравнивается «сердцем». Звучит этот вариант противоречиво и не совсем понятно «технически» (для разума), поэтому и «транслируется» таким противоречивым, импульсивным и почти эксцентричным персонажем, как генеральша: «Они, князь, говорят, что я чудачка, а я умею различать. Потому сердце главное, а